

THE DISCOURSE OF KYIV'S DECOMMUNIZATION IN THE FRAME OF TOPONYMIC RENAMING

Lyudmyla Males

Taras Shevchenko National University of Kyiv
ORCID 0000-0002-8025-6019

Artemiy Deineka

Taras Shevchenko National University of Kyiv
ORCID: 0000-0002-9266-5506

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2020.01.00006>

Abstract. *The article discusses changes of the symbolic map of Kyiv during the period of 2014–2017 caused by the Revolution of Dignity before and after the adoption of the set of laws on decommunization. The strategies, special cases and character of urban renaming were under the study, including examples of renaming that don't fall under these laws. The meanings of old and new urbanonymy (street names), texts of discussions flared up around this problem during the voting and other examples of public deliberation were analyzed. In the course of the reconstruction of discursive strategies, several basic positions were identified (local history, heroic-patriotic and decolonization). Using materials of the discussion called «Is Moskovsky (Moscow) Bridge an Enemy of Ukraine?», authors articulate the public need to expand the processes of decommunization by those of decolonization, and comprehend urban naming as an ideological weapon of different times.*

Key words: *decommunization, decolonialization, Kyiv, street names, urban renaming, public discussions, urban environment*

ДИСКУРС ДЕКОММУНИЗАЦИИ КИЕВА В ОПЫТЕ ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ

Людмила Малес

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
ORCID: 0000-0002-8025-6019

Артемий Дейнека

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
ORCID: 0000-0002-9266-5506

Аннотация. *Статья посвящена изменениям символической карты Киева в 2014–2017 годах, происходивших под влиянием Революции Достоинства, до и после принятия пакета законов о декоммунизации. Изучались стратегии, особые случаи и специфика переименований урбанонимов в рамках исполнения законов о декоммунизации, а также всех переименований данного периода, не подпадающих под их действие. Анализу были подвергнуты как характеристики старых и новых урбанонимов, так и тексты дискуссий, разворачивающихся вокруг них в ходе голосования и публичного обсуждения. В ходе реконструкции дискурса переименований выведено несколько основных позиций (краеведческая, героико-патриотическая и деколонизация). В частности, по следам дискуссии «Московский мост — враг Украины?» сформулирована потребность дополнения процессов декоммунизации деколонизацией, осмысления урбанонимии как идеологического инструмента разных эпох.*

Ключевые слова: *декоммунизация, деколонизация, Киев, урбанонимия, переименования в городе, публичные дискуссии, городская среда*

Академический дискурс урбанонимии: между лингвистикой, историей, географией

В социологической среде топонимическая проблематика почти не воспринимается как своя, поскольку её принято ассоциировать с лингвистическими, историческими и географическими дисциплинами, где проводятся, прежде всего, описательные и сравнительные исследования словообразования, типологии, географической распространенности, истории возникновения определенных названий. Об этом свидетельствуют как материалы симпозиумов и сборников по данной тематике (Berg 2009; Ainiola & Vuolteenaho 2009; IGU/ICA 2015), где упоминания социологической теории и методологии единичны (Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg 2013: 12, 31–32), так и работы, касающиеся дисциплинарной специфики исследования

урбанонимии (Hrichchina 2017; Krško 2013). Соответственно, меньше изучены вопросы субъектов наименований, связей с социальной средой, символической значимости и т.д., а также в редких случаях задействована методика социологических исследований как опросного типа, так и анализа документов, построения и анализа массивов данных.

Но даже не учитывая социологическую специфику, в отечественной библиографии вопросов урбанонимии есть тематические лакуны, не связанные с дисциплинарными ограничениями, а скорее обусловленные особенностями места и времени исследовательской ситуации. Так, в бывшем СССР и в странах соцлагеря к избегаемым темам относилась явственная именно на этом пространстве связь наименований и переименований с идеологией. Поэтому ангажированность урбанонимии в этих странах не изучалась ввиду идеологических же причин. В то же время в критической культурной географии эти взаимосвязи детально анализировались на примерах из разных периодов и культур, исследовались влияния поликультурности региона на урбанонимию (Azaryahu 1997; Berg 2009; Ainiala & Vuolteenaho 2009; Eriksen 2012).

Также сравнительно реже в исследовательское поле попадают процессы массовых переименований (в частности, после падения тоталитарных режимов) их мотиваций, типологии и динамики. Поскольку такие изменения урбанонимии в ходе (де)коммунизации происходили в Центрально-Восточной Европе, то именно их опыт сегодня активно рефлексировается и подлежит описанию. Такие исследования стран бывшего социалистического лагеря наиболее близки киевской ситуации (Abramowicz 2010; Azaryahu 1997; David 2012; Krško 1996; Odaloš 2006; Šindelářová 2010; Rajić 2012; Vaculik 2013; Bilins'ka 2014).

Так, Ярослав Давид, анализируя ангажированность коммунистической идеологией урбанонимических систем городов, построенных в эпоху социализма – Гавиржов, Острава-Поруба, Острава-Забжег, Нова Дубница (Чехия), Нова Хута (Польша) и Шталинштадт (теперь Айзенхюттенштадт, Германия) — приходит к выводу, что их урбанонимия значительно менее подверглась декоммунизации, по сравнению с историческими городами. Он видит тому несколько причин: отсутствие досоциалистической истории и, соответственно, урбанонимии; сложности для местных властей создания большого количества новых названий; элиминация со временем идеологической нагрузки из коммунистических названий; меньшая идеологическая ангажированность урбанонимии таких городов в сравнении со старыми центрами, вокруг которых они возникали; наконец, то, что урбанонимия также может рассматриваться как культурное наследие, памятник эпохи (David 2012: 57–58). Похожие тезисы появляются и в дискурсе декоммунизации в Киеве как аргументы против переименований.

Сравнивая с опытом декоммунизации стран бывшего социалистического лагеря, Олег Белей отмечает неоднородность этого процесса в Украине до 2014 года, его растянутость во времени, а также незавершенность в большинстве областей. До начала процесса декоммунизации 2014 года Киев, по мнению автора, принадлежал к умеренно декоммунизированной части страны.

«[С]амая большая часть Украины (западные области: Закарпатская, Черновицкая, центральные области: Хмельницкая, Винницкая, Кировоградская, Черкасская, Полтавская, северные области: Житомирская, Киевская и город Киев, Черниговская, Сумская) в отношении процесса трансформации советской урбонимии, начиная с момента провала путча в Москве 19 августа 1991 года и провозглашения независимости страны, стабильно демонстрирует умеренный (либеральный) характер» (Belei 2014: 101–102).

В Украине политическая ангажированность топонимии в посткоммунистическом обществе в последние три десятилетия также начала изучаться весьма активно. Появилась целая серия исследований в упомянутых уже лингвистической, исторической, географической дисциплинах, позволивших получить интересные описания, классификации наименований, частотные распределения разных типов урбанонимов, их мотивационной базы на материале различных украинских городов и регионов (Bachyns'ka & Tyshkovec' 2014; Halaj 2009, Gnatjuk 2013; Kudrejko 2015; Ljashenko 2005; Mosiienko 2014; Neher 2013, 2014; Tytarenko 2015; Shul'han 2013).

Взаимные конвертации капиталов символического и политического пространств украинского общества анализируются как сквозь политики наименования досоветской и советской эпохи (Borysenko 2001; Hrycak 2007; Makhortykh 2014b; Reznik 1999; Riznyk 1999; Takhtaulova 2015; Khoroshkovatyj 2004), так и сквозь постсоветские политики (Venhrynjuk 2012; Makhortykh 2014a; Neher 2013, 2014; Reznik 1999; Semena 2010). Особо выделяются переименования немецкой оккупации Киева 1941–43 гг., их исследует Тетяна Себта (Sebta 2013).

Основами направлениями работы с урбанонимическими данными становятся их сбор, описание и типология. Немногочисленность переименованных урбанонимов первых годов независимости в большинстве городов или же небольшое количество урбанонимов, например, в западных областях, где переименования были значительные, позволяют авторам делать выводы на основе подсчета доли переименований или приведения списков соответствующих типов урбанонимов в своих публикациях. Однако следует отметить тщательный анализ изменений городской топонимики, предпринятый рабочей группой по декоммунизации публичного городского пространства Винницы, где помимо характеристики современной урбанонимии была отслежена также динамика и мотивация переименований городских объектов от раннесоветского времени до 2016 года (Karoyeva 2017).

Но масштабность практик изменений названий в городах-миллионниках, волнообразный их характер требует создания объемного массива данных об урбанонимии в её динамике. О создании подобного расширенного реестра урбанонимии упоминается относительно урбанонимии Днепра и Днепропетровской области (Zhuravel' 2015). Возможно потому система урбанонимии Киева, насчитывающая почти три тысячи наименований, редко становится объектом таких системных исследований.

Библиография работ по киевской урбанонимии преимущественно состоит из исторических или публицистических очерков о названиях отдельных городских объектов или же их групп (Dekhtjar'ova 2010: 30–99). Наибольшее количество таких публикаций принадлежит журналисту Петру Позняку, архитекторке Юлии Ивашко, историку Виталию Ковалинскому, исследовательнице топонимии Лидии Пономаренко (Dekhtjar'ova 2010: 100–108). В частности, результатом урбанонимических исследований Лидии Пономаренко и её коллег стали фундаментальные справочные материалы (Ponomarenko 1992, 2003). С середины XX века издавались также справочники «Их именами названы улицы Киева» (Shestakov & Govorkova 1967), где предпринимались попытки обеспечить справками и дополнительной литературой о политических и военных деятелях, о людях культуры и искусства, запечатленных в урбанонимии, экскурсоводов, агитаторов или самих жительниц и жителей, чтобы те смогли расшифровать таблички названий, таким образом обеспечивая выполнение ими идеологической функции.

В исследованиях зачастую упускаются из виду сопутствующие пере- и наименованию процессы (материалы общественного обсуждения, документы городских властей, электронные петиции, публикации в медиа), содержательные характеристики которых разнообразны и не поддаются непосредственному наблюдению. Внимание к этим вопросам не только в контексте декоммунизации, но и общей проблематики урбанонимии пока единичное, такой опыт пока только нарабатывается: исследования представления темы в медиа (Mamalyha & Danyl'chuk 2009; Sidenko 2012), формирования экспертного сообщества (Domarans'kyj 2011), топонимической политики органов власти (Meljakov 2012), (Reznik 1999). Близкие тенденции и в центральноевропейских исследованиях урбанонимии отмечает Павел Одалос (Odalos 2014).

Социологический дискурс урбанонимии: концептуальная рамка и дизайн исследования

Преимущество социологического исследования видим в возможностях целостного описания объекта путем измерений различных значимых смыслов урбанонимов (центральность, значимость, ангажированность, укорененность и т.д.), что позволило также создать массив данных урбанонимии Киева с детальной характеристикой их формальных и смысловых характеристик. Опыт создания такого массива и результаты его статистической обработки, освещенные в авторских публикациях (Males 2014a; Males 2014b), позволили создать необходимый контекст изучения и дискурса декоммунизации в узком его понимании, поэтому в начале основной части данной статьи изложим некоторые его выводы.

В основу анализа текстов общественной дискуссии декоммунизации лег социологический концептуализирующий взгляд в русле критической теории. Постструктуралистские трактования символического и физического пространств использования понятий капитала, позиции (Bourdieu 1993) будут продолжены подходом акторно-сетевой теории Бруно Латура (Latour 2005), расширяющей круг

участвующих в дискурсе включением предметной среды (на примере кейса «Московский мост»).

В методико-методологическом плане мы прибегли к дискурс-анализу Тёна ван Дейка (Dijk 2015), также находящемуся в русле критического анализа. Такая интерпретация текстов петиций, публичных обсуждений, медиа устанавливает позиции и акторов, занимающих их, на сегодняшний день.

О самом дискурсе будем говорить как в широком, так и узком смысле. Такое масштабирование понятия дискурса задал Тён ван Дейк, где широкое толкование охватывает всё коммуникативное событие, а узкое — вербальное выражение (текст или разговор), ван Дейк также предлагал и другие типы: дискурс как разговор, как тип разговора, как жанр и даже социальная формация (Dijk 1998). В нашем же случае дискурс в узком смысле обозначает активное разворачивание темы, где задействованы многие акторы, различные политики, в центре внимания (не)заявленные позиции и приемы по их продвижению — такое понятие дискурса ближе к широкому толкованию Тёна ван Дейка. Широкое же понимание дискурса предстает как тема не столько в её злободневности, сколько в причинах актуализации в своем историческом существовании, в игнорировании или эксплуатации властью, что ближе к археологическому подходу Мишеля Фуко, его формациям объектов (Foucault 1996: 41–50). Это широкое толкование, где для вычленения культурного, социального, политического подтекста, ресурсов, сил и власти необходимо больше социологической чувствительности, например, к причинам молчания. К примеру, таким «молчаливым» дискурс декоммунизации был ещё несколько лет назад, да и всё советское время тоже. Эти разные по масштабам дискурсы — узкий и широкий — связаны между собой.

Таким образом, концептуальная рамка исследования, предложенного в данной статье, включает постструктуралистский (Пьер Бурдьё), дискурсивный (Мишель Фуко, Тён ван Дейк), акторно-сетевой (Бруно Латур) подходы, а также разрабатываемый Людмилой Малес социкультурный анализ (Males 2011).

Данные, анализ которых представлен в настоящей статье, включают в себя: созданный Л. Малес массив урбанонимии города Киева; данные и сопроводительные документы электронного голосования по вопросам переименования на сайте Киевской городской государственной администрации (КГГА) как форма общественного обсуждения; электронные петиции по вопросам переименования, а также материалы дискуссий, проводившихся по поводу процесса декоммунизации в публичном и медиа пространстве. Массив урбанонимии позволил охарактеризовать урбанонимическую систему города, насчитывающую около трёх тысяч единиц, и проследить динамику её изменений в практиках переименований. Он был создан на базе информации справочников, карт и документов (решений горсовета Киева). С помощью плотного описания урбанонимии максимально полно фиксировались фактические параметры улиц и площадей, этимология их названий, символическая значимость, все предыдущие наименования конкретного объекта. В результате чего для кодирования каждой из урбанонимических единиц в массиве создано более 80

признаков. Как подмассив выделены все переименования периода декоммунизации, к которым сформированы дополнительные признаки.

Результаты исследования, предложенные в данной статье, разбиты на следующие части: реконструкцию широкого дискурсивного контекста переименований в Киеве (представленную в разделе «Дискурсивные стратегии переименований в Киеве (с конца XIX в. до наших дней)»), структурирование (раздел «Дискуссия декоммунизации: три определяющих дискурсивных позиции») и восстановление процесса символической борьбы декоммунизации вокруг таких кейсов, как общественное голосование, Московский мост, петиции граждан (в соответствующих разделах).

Дискурсивные стратегии переименований в Киеве (с конца XIX в. до наших дней)

Можно предположить, что современные дискурсивные позиции касательно киевской урбанонимии сформированы не в отрыве, а в связи с опытом прежних переименований, общим оперированием символическим пространством. Для этого изложим основные характеристики киевской урбанонимической системы, её становления, чтобы увидеть генеральные линии переименований в разные периоды и их соответствие современным дискурсивным позициям (Males 2014a).

Процесс администрирования адресных урбанонимов начинается в конце 60-х годов XIX века деятельностью Комиссии по переименованию улиц и проулков Киева губернского статистического комитета. В результате их работы, а также предложений видных киевлян в 1869 году был утвержден императором Александром II перечень, по которому были разделены, переименованы и получили официальные названия 97 улиц, площадей и переулков Киева (Kievskiy hubernator 1869).

Традиционно киевские урбанонимы возникали и функционировали более-менее спонтанно, ситуативно, преимущественно использовались в повседневной жизни лишь местной общины. Часто это были даже не топонимы или аргонимы, а названия усадеб, местностей, околотков, запечатленная в их названиях разнообразная микротопонимика. Для традиционной урбанонимии характерными были урбанонимы с фиксацией особенностей территории и её жителей или же самого местоположения. Но сообщить уникальность месту с помощью стихийно сложившейся урбанонимии удавалось далеко не всегда ввиду множества повторов одних и тех же названий в разных концах города и, наоборот, существования нескольких названий одних и тех же мест. Тем не менее в то время они не привлекали к себе особого внимания, а в дискурсах города фигурировала преимущественно топонимика центральных улиц.

Администрирование урбанонимии Киева XIX века лишь незначительно изменило его символическое пространство. Это было в основном упорядочивание, недопущение дублей, как наименования (для новосозданных или же разделенных на части городских объектов), так и переименования. И лишь центр сразу привлек внимание властей ввиду возможности использовать его значительный символический капитал (Reznik 1999). Здесь появляются улицы в честь царей (ул. Царская,

Екатерининская, Новоелизаветинская), губернаторов (бульвар Бибиковский, улицы Фундуклеевская, Безаковская), других значимых для Российской империи лиц, в частности исторических персон (улицы Рогнидынская, Несторовская, Петро-Могилянская). В дальнейшем Российская империя продолжает наращивать символический капитал за счет киевской урбанонимии (Riznyk 1999).

Сразу же заметим, что переходом в наименованиях на отымённые урбанонимы закладывается одна из стратегий администрирования символического пространства города — превращение его в «некрополь», где улицы и площади используются как пространственные памятники умершим (Males 2014a: 120). Известная исследовательница киевской урбанонимии, работавшая в комиссии по переименованиях ещё со середины прошлого века, Лидия Пономаренко минимизацию подобной топонимической некрополизации называла среди своих принципов работы (Nesenjuk 2009; Sidenko 2011), такую же позицию относительно Черкасс отстаивает и историк, член топонимической комиссии Сергей Шамара (Shamara 2017).

Также с начала администрирования урбанонимии в XIX веке к прежним «органическим» функциям урбанонимии (информирования, навигации, идентификации) добавляются «инструментальные», и первой такой становится идеологическая функция. В рамках этой функции названия должны прославлять или хотя бы не противоречить актуальной идеологии, а каждое их упоминание в адресе — это акт пропаганды и агитации. Методическим подспорьем в пропагандистской работе были упомянутые выше публикации о названиях улиц в честь выдающихся лиц, например, книга В. Шестакова и В. Говорковой (Shestakov & Govorkova 1967), публикации в городской прессе («Вечірній Київ», «Прапор комунізму»), в частности заметки П. Позняка, И. Скуленко (Poznjak 1986; Skulenko 1957).

В XX веке данные тенденции нарастают. Администрирование почти всецело переключается на соблюдение идеологической функции часто за счет удобоваримости названий, игнорируя голос общественности, интересы горожан — такую стратегию Александр Резник называет «топонимической диктатурой» (Riznyk 2007). Так, после окончательного установления советской власти и осуществления многочисленных переименований население и немало должностных лиц продолжало пользоваться старыми названиями улиц. Это заставило горсовет Киева в 1928 году издать постановление, где работники городских учреждений были предупреждены о суровых санкциях в случае употребления прежних названий (Ponomarenko 1992).

После Второй мировой войны в СССР ещё больше актуализируется потребность в героизации и милитаризации, вследствие чего «некрополь» разрастается на карте города, и вот уже «мертвые с оружием» (названия, мемориальные доски, памятники, мемориалы в честь военных, революционеров, партизан) становятся привычными на многих улицах столицы. Предаётся забвению местная топонимика, до неузнаваемости изменяется городской пейзаж, мобильнее становится население города, оно всё больше и чаще отчуждается от своей улицы, своего места проживания. Переименование становится таким же частым видом урбанонимической активности, как и наименование, следуя за репрессиями и изменениями политик властей, а в

периоды резкой смены режимов — советской и немецкой оккупации — даже и основным (Males 2014b; Sebta 2013).

В советском Киеве решения о наименовании принимал исполнительный комитет Киевского городского Совета депутатов трудящихся. В основном ежегодно переименовывались от одного-двух (Prezidium Kievskogo gubispolkoma 1923) до двух десятков городских объектов, но около половины всех советских переименований произошли «залпово» решениями 1953, 1955 и 1957 гг., насчитывающих по несколько сотен каждое. Текст вступительной констатирующей части решений о единичных переименованиях, как правило, обосновывался значимостью нового наименования «С целью увековечения памяти выдающегося военного деятеля, дважды Героя Советского Союза, генерал-полковника Александра Ильича Родимцева, исполком Киевского городского совета депутатов трудящихся постановляет» (Kyjivs'ka... 1977b). Но в случае массовых переименований эта часть могла состоять лишь из универсальной формулировки: «С целью упорядочения наименования городских улиц, исполнительный комитет городского Совета депутатов трудящихся постановляет» и далее прилагались списки старых и новых урбанонимов, где нередко давались примечания обосновательного характера (Kyjivs'ka... 1977a). В нём также могла быть отсылка к предложениям постоянно действующей комиссии по наименованию и переименованию улиц и площадей г. Киева (Kyjivs'ka... 1953). А в некоторых, особо значимых случаях, могли ссылаться на «пожелания трудящихся»:

«В связи с сооружением памятника в честь Великой Октябрьской социалистической революции на Крещатике и пожеланиями трудящихся исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся постановляет: Наименовать площадь на Крещатике возле монумента, на которую выходят ул. ул. Октябрьской Революции, Челюскинцев, Парижской Коммуны, Постышева, Калинина, Ново-Пушкинская, ул. Шевченко — имени Октябрьской Революции. Площадь возле дома Киевского горкома и обкома Компартии Украины — имени Калинина. Площадь у здания Верховной Рады УССР именовать Советской» (Kyjivs'ka... 1977c).

Чтобы очертить содержательные особенности советских практик администрирования урбанонимии, начнём с конца года, когда главные герои фильма Эльдара Рязанова «Ирония судьбы» идут в баню, а население 1/6 суши следит за их хорошо знакомой историей. Завязка этого сюжета строится на следствиях советской унификации индустрии товаров народного потребления, жилищного строительства, а также урбанонимии. Последнее касается не только обязательности и центральности улицы Ленина в каждом населённом пункте, но и шаблонности названий в новых массивах больших городов конца 1950-х – начала 1980-х. Киев не был исключением: в годы индустриальной застройки город разросся во все стороны, ради чего были снесены посёлки, рельефы, а речки ушли под землю или в коллекторы — их топонимика упоминается разве что в краеведческой литературе (Vovk & Steklov 2002). Зато на его карте появлялись сотни новых улиц и площадей.

Поскольку, как уже упоминалось, массовые наименования происходили директивно, списочно, то новые названия городских объектов избирались часто случайно, ни о каком публичном обсуждении урбанонимов не могло быть и речи.

Можно предположить, что избытию географических наименований весьма далеких от Украины мест СССР мы обязаны атласу, поскольку у чиновников было мало времени и много новых объектов (самым массовым был акт наименования 1955 года, когда одним решением новые имена получали сразу 585 улиц, площадей и переулков Киева (Kyjivs'ka ... 1955)), к тому же важно было не назвать кем-то или чем-то идеологически неправильным, и, чтобы не ошибиться, избрали самую безопасную стратегию. Назовём эту стратегию «Широка страна моя родная» и усомнимся в нейтральности такой географии.

Так в 1955 году после смерти Иосифа Сталина улицу Шулявскую переименовали в Тбилисскую, а в 1957 году после развенчания культа личности специальным постановлением ей вернули прежнее название, хотя другие «географические» улицы тогда не пострадали (Kyjivs'ka..... 1955; Kyjivs'kyj... 1957). Также при обилии урбанонимов городов союзных республик и соцлагеря (улицы Вильнюсская, Ереванская, Таллиннская, Бакинская, Братиславская), появившихся преимущественно в том же наиболее насыщенном 1955 году, на киевской карте, за исключением наименований в честь городов-побратимов (Киото, Тулузы, Тампере, Флоренции), возникших уже в 1960-70-х гг., не найдем географии и столиц других стран мира (Дели, Пекин, не говоря уже о Вашингтоне или Париже). А среди «всех равных» Россия была «равнее». Именно просторы, города и реки РСФСР отображались на карте Киева чаще всего (улицы Астраханская, Амурская, Брянская, Волго-Донская, Кузбасская и т.д.). Геополитичность этих названий стала остро ощущаться сегодня.

С падением советского режима и провозглашением независимости массового переименования урбанонимии столицы не произошло. В 1990-е гг. изменению подлежали лишь самые одиозные символы советской эпохи, не более десяти процентов от всех урбанонимов (Males 2014a: 121). Но поскольку все они находились в центре города, их изменение вызвало некоторое роптание, впрочем, уже через несколько лет многие забыли сложновыговариваемые имена вождей в пользу более звучных: Шелковичной (вместо Карла Либкнехта), Липской (вместо Розы Люксембург). Конечно же, не все переименования первых годов возрождённой Независимости были такими «садово-парковыми», в ходе переименования возвращались и более социально ориентированные названия (ул. Институтская, пл. Контрактовая, ул. Банковая). Преимущественно же возвращенные урбанонимы сами происходили от местной топонимики (Кловский спуск, ул. Жилянская, ул. Лютеранская), а в новых названиях переименованных улиц были увековечены выдающие украинские деятели (М. Грушевский, В. Антонович, Н. Терещенко). Поэтому к началу декоммунизации «в результате действия стратегий и приоритетов различных периодов, породившего волны переименований по существующей застройке, мы получаем постмодерное разнообразие» (Males 2014b: 29–30).

Учла ли разность и сложность городской территориальной общины и всего современного украинского общества волна нынешних переименований, предполагают ли её процедуры равноправие разных позиций? На этот вопрос сможем ответить, рассмотрев стратегии декоммунизации по результатам как анализа массива

урбанонимии, так и текстов, порожденных этим процессом. Прежде уже предпринимались попытки осуществить классификацию стратегий «декоммунизирующих» переименований в разных городах Украины. В частности, Алексей Гнатюк, опираясь на данные 36-и крупнейших украинских городов, говорит о таких стратегиях, как возвращение исторических имён и присвоение новых названий, среди которых следует различать коммеморативные, топографические и поэтические (Gnatiuk 2018: 124).

В Киеве среди стратегий наименований последних лет — как в, так и вне декоммунизации — самыми популярными были возвращение досоветских названий, запечатление в урбанонимии местной топонимики, наименование в честь героев, так что в городе продолжает разрастаться «некрополь». Если в советском Киеве насчитывалось около 40% названий в честь конкретных личностей, то среди новых переименований — таких половина.

Но не менее популярными стали так называемые «фруктово-ягодные названия» (улицы Виноградная, Грушевая, Малиновая, Медовая) — каждое пятое предложение по переименованию. Эта стратегия ранее упоминалась относительно топонимики АР Крым (Semena 2010), она аналогична вышеописанной советской «географической» и подчеркивает всё те же черты: и массовость процесса, и инертность, и нежелание одну идеологию менять на другую, и отсутствие других вариантов. Уже эта схожесть дает повод не только иронизировать, но и критиковать данную ситуацию. Ведь спешка, уход от ответственности за избрание идеологического символичного, могут говорить о том же, но уже постсоветском опасении, поиске «безопасных» названий, и не столько об инициативе снизу, сколько о директивности. В то же время власти многих городов и сельских общин, ввиду нежелания менять советские названия или нежелания брать ответственность за эти изменения, не провели декоммунизацию в отведенные для этого сроки. Поскольку законодательство о декоммунизации предусматривало чёткие этапы и даты реализации, в таких случаях решение принимал Верховная Рада Украины на основании рекомендаций Украинского института национальной памяти (УИИП).

Причин пассивной деидеологизации много. Они другие, нежели мы могли бы предположить у советских чиновников. Некоторые из них всплывут при анализе ближнего «горячего» дискурса декоммунизации в узком значении, позиции в котором мы выделим, исходя из проводимых стратегий декоммунизации и реакции на неё.

Дискуссия о декоммунизации: три определяющих дискурсивных позиции

В дискурсе декоммунизации относительно топонимических изменений нами выделены три позиции (Males 2016), проявляющиеся в последующих кейсах и процедурах переименований, поэтому вкратце охарактеризуем их.

Первая позиция, краеведческая (или «имперская старина»), хронологически появилась первой в ходе постсоветских переименований. Сначала её представители ратовали за возрождение дореволюционных названий, позже под опеку взяв и советские. Данная позиция хорошо дискурсивно развита за счет её доминирования в

других городских дискурсах, прежде всего, архитектурно-строительном. Там она имеет много сторонников как среди специалистов, так и всего населения, и согласно её самоопределению, противостоит коалиции власти и застройщиков ради сохранения архитектурного наследия. Целые издания и издательства становятся рупором данной позиции («Варто», «Кий» и др.), создано много групп в социальных сетях (напр., сообщество «Збережи старий Київ» («Сохрани старый Киев»), группа «Старий Київ»). Благодаря их работе имеем очень много материалов о прошлом города, его застройке и жителях. Следует заметить, что ностальгия по определенному золотому времени города и критика любых отступлений от него (архитектурных, топонимических, демографических) присутствует и в других украинских (напр., Melnychuk et al. 2019) и европейских исторических городах (Young et al. 2008).

Но при всех своих достоинствах, краеведческая дискурсивная позиция имеет существенные ограничения. Так, взгляд её всецело направлен в прошлое, что даёт не только навязчивую ностальгию, но и идеализацию этого прошлого, его уклада, устоев, героев. Интересно, что глубина этого взгляда при тысячелетней истории города и некоторых его урбанонимов (например, улицы Десятинная, Боричев Ток) оказывается не такой уж далекой, достигая максимум второй половины XIX столетия, но включает в свою орбиту всё новые и новые десятилетия советской эпохи по мере того, как мы от неё отдаляемся. Идеализация определенных годов, десятилетий и целых эпох возможна благодаря избирательности такого взгляда в прошлое. Также избирательность способствует выделению избранных социальных групп и нечувствительность к другим группам, их роли, условий их жизни. Очевидно, что такими группами в условиях губернского города Российской империи были русские и обрусевшие зажиточные люди: дворяне, крупное чиновничество, старшие военные чины, купцы — они жили более-менее богато, и, соответственно, демонстративно, имели ресурсы запечатлеть себя в зодчестве, монументальных и пространственных памятниках (урбанонимах). Избирательность, но другого толка, производится дискурсивными аргументами этой позиции, а именно — говорением от имени «настоящих», «коренных» киевлян и клеймение оппонентов как «приезжих» (напр. в ФБ сообществе «Клуб коренного киевлянина»).

Вторая дискурсивная позиция — героико-патриотическая («националистическая»), она оппозиционна не только первой, но и половинчатым, по их мнению, действиям власти. Эта позиция поддерживается людьми из организаций и партий патриотического толка, а также весьма четко прослеживалась в проводимой в кампании декоммунизации линии УИИП во главе с Владимиром Вятровичем (Majogov et al. 2017), разделяется патриотическими организациями, исследователями (например, член комиссии по наименованиям при КГГА, историк, общественный деятель Игорь Мельник, историк Игорь Гырыч (Hurych 2013)). Эта позиция также среди своих стратегий имеет возрождение памяти об историческом прошлом, но это должны быть прежде всего национально-освободительные события и персоны. Именно с героико-патриотической дискурсивной позиции ратуют за тотальное обновление урбанонимии и запечатление в ней героев XX века, и современной борьбы за Независимость (V'yatrovich 2017; Hurych 2013).

Наконец, третья дискурсивная позиция снимает противоречия первых двух, помещая дискурс декоммунизации в более широкий контекст деколонизации. В дискуссии с тематическим названием «Московский мост — враг Украины?» её озвучила Владислава Осьмак, директорка центра урбанистических студий при Национальном университете «Киево-Могилянская академия» (НаУКМА) (Molyar et al. 2016). Её дискурсивная специфика, кроме всего прочего, заключается в деконструкции столь популярной в среде чиновников и населения стратегии нейтрализации. Последняя раскрывается как идеологически ангажированная, центрированная на определённых группах и культурах, а потому не свободная от дискриминаций других групп. Целью проведения в дискурсе декоммунизации данной позиции видится увеличение рефлексивности и ответственности всех субъектов выработки и принятия решения. Согласно этой позиции, в процессе администрирования вся урбанонимия во все времена является инструментом идеологии. Потому, к примеру, оттопонимичные урбанонимы (улицы Московская, Российская, Европейская площадь, площадь Анкары) далеко не всегда произвольны, а имеют своё обоснование. Ввиду этого, изменения символического пространства в Украине не завершается с процессом декоммунизации, они продолжают дальше и приобретают больший масштаб, и принадлежат уже процессам деколонизации.

Общественные голосования: победы ничьи

Почти нетронутая в 1990-е гг., советская урбанонимия Киева не могла существовать дальше не только по политическим причинам, но, прежде всего, ввиду заострённой информационной войной чувствительности к символам, а также благодаря процедурному привлечению общественности к обсуждению декоммунизации и, в частности, переименований.

В основе процесса декоммунизации лежит пакет законов, одобренных на заседании Кабинета Министров Украины 31 марта 2015-го г.: «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов»; «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке»; «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики». Согласно последнему из них к осужденной и запрещенной символике относятся:

«названия областей, районов, населенных пунктов, районов в городах, скверов, бульваров, улиц, переулков, спусков, проездов, проспектов, площадей, набережных, мостов, других объектов топонимики населенных пунктов, предприятий, учреждений, организаций, в которых использованы имена или псевдонимы лиц, занимающих руководящие должности в коммунистической партии (должность секретаря районного комитета и выше), высших органах власти и управления СССР, УССР, других союзных или автономных советских республик, работали в советских органах государственной безопасности, а также названия СССР, УССР, других союзных или автономных советских республик и производные от них, названия, связанные с деятельностью коммунистической партии (включая партийные съезды), годовщиной Октябрьской революции 25 октября (7 ноября) 1917 года, установлением

советской власти на территории Украины или в отдельных административно-территориальных единицах, преследованием участников борьбы за независимость Украины в XX веке (кроме названий, связанных с сопротивлением и изгнанием нацистских оккупантов из Украины или с развитием украинской науки и культуры)» (Verkhovna... 2015).

Кроме чёткого перечня критериев, подлежащего декоммунизации, в этой цитате обратим внимание на то, что она не распространяется на коллекционную, музейную, архивную, научную деятельность, на действующие символы, в частности, юридических лиц. Тем не менее, вокруг самой идеи декоммунизации и её воплощения с самого начала было множество домыслов, страхов, что связано не только с непродуманностью всех нюансов самой кампании, её процедур, постколониальным сознанием украинского населения, но и с информационной войной Российской Федерации. Эта общая дискуссия хотя и не будет в центре нашего внимания, но всё же создает давление на дискурсивные позиции конкретных случаев переименований, а чаще, создает общее отношение к декоммунизации. Об этом упоминает Алексей Куренной во время дискуссии «Московский мост враг Украины?», прошедшей 02 августа 2016 г. в Кризисном медиа-центре:

«Пожелания относительно переименований обычно совпадают с результатами соцопросов, касающихся вопросов переосмысления советского прошлого. «По данным Центра Разумкова, в центральной Украине примерно треть выступают «за» [декоммунизацию], четверть — «против», треть не определились [...] По реакции на соцопросы Киев ближе к Волини», — отметил Алексей Куренной. При этом в «войнах петиций» между сторонниками различных вариантов переименования уже чётко прослеживается разделение на лагерь сторонников проевропейского либерального дискурса и дискурса националистического» (Molyar et al. 2016).

Кроме обсуждения экспертного и медийного с участием публичных фигур, важной частью декоммунизации становятся общественные обсуждения. Опыта последних не было ни в практиках наименований времен СССР, ни во время переименований первых годов возрожденной независимости. В нормативных актах, описывающих процедуру наименований и переименований, указана необходимость общественного обсуждения, но, заметим, не во всех случаях¹. Так, возвращение исторического названия или же переименование с использованием «нейтральных» названий не требует участия широкой общественности, хотя может и происходить. Скорее всего, законодателем считается, что названия из прошлого или же названия не в честь конкретных людей будут априори беспроблемными, неидеологизированными, нейтральными. То, что это не так, можно показать на разных примерах, вспомним лишь о поликонфессиональности и секулярности. В столице Украины в 2015 году появилась улица Риздвяна (Рождественская), не Рамаданная, Дажбожая, Рош гашанная и т.д., с ней близко по духу ещё семь названных в честь христианских

¹ Законодательные рамки, условия и процедуры таких переименований регулируются в соответствии с пунктом 41 части 1 статьи 26, пунктом 1 статьи 37 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине», Законом Украины «О присвоении юридическим лицам и объектам городского подчинения имен (псевдонимов) физических лиц, юбилейных и праздничных дат, названий и дат исторических событий», решением Киевского городского совета от 13 ноября 2013 № 432/9920 «Об утверждении Порядка наименования объектов городского подчинения, присвоении юридическим лицам и объектам городского подчинения имен (псевдонимов) физических лиц, юбилейных и праздничных дат, названий и дат исторических событий в городе Киеве».

священнослужителей, а также улица Вифлеемская (вряд ли это «просто география», ведь ни Тель-Авивской, ни Иерусалимской улиц в городе нет).

Таким образом, в своем узком значении дискурс символической карты города можно проанализировать благодаря процедуре электронного голосования, петициям, экспертным обсуждениям вокруг переименований, где он преимущественно разворачивается.

В процессе переименований городских объектов Киева электронное голосование рассматривается как общественное обсуждение, поскольку в трёхмиллионнике иначе учесть мнение территориальной общины всего города не представилось возможным, а переименования в честь личностей, как указывалось выше, требуют согласия жителей. Электронное голосование проходит на сайте КГГА, в разделе «Е-місто» (электронный-город), подразделе «Общественное обсуждение проектов нормативно-правовых актов». В этом подразделе размещаются сроком на три месяца проекты решений Киевского городского совета о переименовании. К каждому проекту решения прикреплен подготовленный файл исторической справки о старом и новом названиях, дана возможность зарегистрированным лицам поставить свой голос «за» или «против», а также внести свои редакции или предложения к существующему проекту в виде комментариев. В разделе «Е-місто» размещен и портал для электронных петиций, среди которых отдельной рубрикой идут петиции о переименовании.

Требующее лишь доступа к интернету, поэтому для довольно многих сегодня легкодоступное, участие в изменении символического пространства привлекло большое число людей на указанные страницы голосования и петиций. Большинство голосований в период декоммунизации всё же были немногочисленны, преимущественно «за», лишь несколько случаев переименований были отклонены ввиду перевеса голосования «против» (Петра Калнишевского, Вячеслава Веремия, Леонида Телятникова) или же внешнего решения об изменении объекта названия (академика Петра Тронька, Ивана Миколайчука, Кахи Бендукидзе). Кроме своего прямого предназначения, голосование, а точнее комментарии, оставленные в рубрике «редакций и предложений», и петиции стали способом проявления активной позиции по данному вопросу.

Такое голосование и электронные петиции о переименовании улиц считаются одними из самых эффективных. В частности, так рассматривает данный инструмент Алексей Куренной, эксперт Центра международной защиты прав человека Национального университета «Киево-Могилянская академия»:

«люди в голосованиях чаще отдают предпочтение историческим названиям перед политизированными. «Киевляне чётко отличают, где декоммунизация, а где попытка «построить витрину», и такие голосования часто проваливались», — отметил он. Так, например, предложения переименовать улицы в честь Бориса Немцова или Олега Сенцова не получили массовой поддержки» (Molyar et al. 2016).

Но эта оценка селективности голосования, как и «мудрости» народа при навязывании ему ложных авторитетов — скорее выдача желаемого за действительное. Казалось бы, вот она панацея в решении многих щекотливых вопросов изменения идеологии символического пространства, так соответствующая духу демократии. Однако не только политики и военные, исторические фигуры (например, Бандера, Конашевич-Сагайдачный), но и, казалось бы, близкие многим авторитеты из сферы культуры, правозащитники могут восприниматься активной частью населения в штыки, как это случилось с инициативой переименования бульвара Алексея Давыдова в честь Виктора Некрасова, известного киевлянина, писателя, диссидента.

Это была попытка одного из первых переименований, прошедшего уже в конце 2014 года, задолго до официального старта декоммунизации. Процесс этого переименования отличался наличием разных форм активности и задействования территориальной общины. Как указано в комментариях к голосованию на сайте КГГА, данное общественное обсуждение сопровождалось опросом населения, обсуждениями в группах социальных сетей.

«предложение по переименованию бульвара Давыдова на бульвар Некрасова вызвало огромное негодование и непонимание среди жителей Русановки!

просто привожу результаты голосования, за один день (с 01.10.2014 по 02.10.2014), в группе Русановка в фейсбуке (около 1000 членов группы)

Поддерживаете ли Вы возможное переименование бульвара Алексея Давыдова на:

переименовать на "Венецианский бульвар" - 37 голосов

переименовать на "Александра Давыдова" - 8 голосов

переименовать на "Бульвар Степана Бандеры" - 5 голосов

переименовать на "Виктора Некрасова" - 2 голоса

переименовать на "Русановский бульвар" - 2 голоса

другие варианты переименования - 4 голоса

группа закрытая, но доступ есть у депутатов Киевгорсовена Наталии Шульги и Олеса Маляревича

как видите, идею с Виктором Некрасовым не поддерживает никто

при этом, за то, чтобы оставить существующее название (Алексея Давыдова) было отдано 69 голосов²

В результате имеем случай не формального и не случайного, а весьма напряжённого голосования: «за» 356 и «против» 356. Итого было принято решение об отклонении предложенного названия. А так как советское название бульвара в честь Алексея Давыдова, советского партийного и хозяйственного деятеля высокого ранга, полностью подпадало под действие позже принятых законов, несмотря на все перипетии, переименование было обречено на завершение. Вместо него предложено и вынесено на новое рассмотрение и голосование название в честь композитора, автора официального гимна Киева «Як тебе не любити, Києве мій!» Игоря Шамо. Для этого измененный проект решения о переименовании данного бульвара был повторно вынесен на голосование, которое уже не вызвало такого ажиотажа: 160 «за», 59 «против» и 15 комментариев.

Комментариев к первому же голосованию было оставлено по сравнению с другими голосованиями такого рода среднее количество – 76, и они представили типичные для всех других голосований позиции. Первая и доминирующая позиция отрицала необходимость переименований в тяжёлые времена, да и поставила под сомнение саму значимость такой активности, предлагала расходы на переименование направить в другое русло. Другие пишущие высказывались за переименование, но с использованием абстрактных, лирических названий, считая их, по-видимому, нейтральными. Также для многих людей вполне приемлемо было старое название: они считают его «укоренённым» и упоминают объекты

² Комментарий пользователя Антон Балаба от 02.10.2014 13:02, категория «предложение». Источник: <http://projects.kievcity.gov.ua/projects/view.php?P=40>

Киева, появившиеся во время пребывания А. Давыдова у власти. Их же немногочисленные оппоненты выступают за переименование, в том числе в честь В. Некрасова, но больше всё же акцентируют внимание на неприемлемости старого названия, так как с персоной А. Давыдова связана Курневская трагедия (Nakhmanovich 2006). Они также пишут о проблемах и сомнительной ценности других его следов на карте города. Наконец, отдельные комментарии, отмечая значимость персоны В. Некрасова, предлагают назвать в его честь какую-то новую улицу на окраинах, или, наоборот, в центре Киева, где писатель и жил. Таким образом, видим, что основным посылом комментариев с разной степенью убедительности и эмоциональности был протест против изменений и/или их содержания. Основным маркером оппонентов переименования бульвара Давыдова в данной дискуссии был статус коренного киевлянина, самими себе присваивавшийся и отбиравшийся у других. Из этого всего следует, что дискурсивная позиция краеведческая («имперская старина») здесь доминирует, беря под опеку советское наследие.

Бросается в глаза то, как быстро консервируется в повседневности жителей урбанонимия: введенная только полстолетия назад, она уже кажется «старой», а потому «истинной». И без длительной, кропотливой актуализации в общегородском дискурсе нового названия, его связанности с местностью, разъяснения причин неуместности старого, поддержки общественности сложно достичь. Даже в, казалось бы, исключительном примере такой актуализации, как переименование части улицы Институтской в аллею Героев Небесной Сотни — она была первая в ряду переименований через несколько месяцев после самих событий расстрела — в одном из самых массовых общественных обсуждений (1614 «за» и 1032 «против», 472 «редакций и предложений») в комментариях видим те же аргументы противодействия изменениям.

Среди оставленных комментариев в ходе общественного обсуждения переименования бульвара Давыдова один был такой: Московский мост обязательно нужно переименовать. Что ж, последуем за ним и мы.

«Московский мост как враг Украины»

Когда речь заходит о символическом статусе объектов городской среды, или об их политической значимости, акцент, как правило, ставится на словах «символический» или «политический», а не на слове «объект». То есть мы заведомо склонны воспринимать городские объекты по большей части инструментально: либо как предметы борьбы различных групп интересов, либо как выразителей разных идеологических позиций внутри дискурсивного контекста города или страны. Далее мы рассматриваем один из важных инфраструктурных объектов города Киева «Пивничный мост» (Северный мост) как существенный источник политических противоречий, не сводящихся, однако, исключительно к вопросам борьбы за ресурсы и «правильный» символический статус (в контексте споров о названии). Кейс этого моста, до 2018 года называвшегося Московским, был выбран по той причине, что он стал одним из самых заметных в урбанонимическом дискурсе. В качестве эмпирической базы мы используем публикации в киевских городских и общенациональных медиа, освещающие ведущиеся вокруг бывшего Московского моста споры. Теоретическим основанием для такого рассмотрения нам послужит предложенная Бруно Латуром концепция «политики вещей» (Dingpolitik), противопоставленная традиционной «политике людей» или Realpolitik, а также более широкий концептуальный фон, связанный с переосмыслением отношений между человеческими и не-человеческими участниками социальной жизни (Latour 2005).

Ключевая идея, выраженная Латуром в понятии *Dingpolitik*, состоит в том, что границы политической сферы определяются не столько институциональными механизмами общественной активности и политического представительства граждан, сколько способностью тех или иных «предметов беспокойства» сосредотачивать вокруг себя общественное внимание. Если кратко, политика начинается там, где появляется объект, способный генерировать внимание и волнение общественности. В этой связи, попасть в центр политического разбирательства рискуют не только политики, чиновники и лидеры общественного мнения, но и любая вещь, в том числе и объект городской инфраструктуры — мост, если он становится заметным источником некоторого рода проблем. Сама способность таких объектов «порождать вопросы и проблемы» не является их перманентной характеристикой, а всегда имеет свою историю, что позволяет ставить вопрос о «начале» и «конце» их политизации. Латур описывает 5 стадий политизации, через которые может пройти (или не пройти) тот или иной предмет беспокойства. Каждая из них предполагает своё особое понимание «политического» и позволяет вести речь об особых следствиях для общественной жизни. Таким образом, автор выстраивает своеобразный диапазон возможностей политизации объекта, который варьируется от ситуации «политическое-1» до ситуации «политическое-5».

Если кратко перечислить их, то порядок политизации будет следующий. Первой в списке идёт разработка инновационных проектов с планом их последующего внедрения в общественную жизнь. На этом этапе предметом беспокойства является сама инновация, её научная, техническая и экспертная проработка. Обеспокоенная публика состоит преимущественно из её создателей (учёных, инженеров, заказчиков и других агентов инновации). Ключевые черты «политического-1»: новаторский характер и относительно узкий круг «обеспокоенных лиц», преимущественно состоящий из групп задействованных специалистов. Затем имеет место попытка внедрить инновацию в общественную жизнь, порождающая первые вспышки беспокойства со стороны разных «внешних» заинтересованных групп. Главные характеристики «политического-2»: резкий рост общественного внимания, появление проблемы в медиа, публичное обсуждение рисков. Следующий этап («политическое-3») – артикуляция зародившейся в общественной жизни проблемы на официальном уровне. Объект попадает в центр публичной политики и провозглашается либо общенациональной/городской проблемой, либо объектом национального/городского достояния, требующим защиты или разбирательства. На следующем этапе («политическое-4») начинается работа институциональных механизмов демократии – открытая общественная полемика, отражающаяся на политических решениях властей, перевод дискуссии на специальные публичные площадки (Latour 2012: 249). Финальная стадия политизации связана с угасанием публичного внимания. Перевод вещи в статус само собой разумеющегося компонента общественной жизни, где она становится «частью ежедневной рутины административного менеджмента» (*ibid.*), однако со всегда существующим риском снова оказаться в центре внимания публики. Этот рутинный характер — ключевая особенность «политического-5». Следует отметить, что эти стадии воспроизводят лишь некоторую логическую последовательность. В реальности же объекты политизации могут возвращаться с каждой стадии на предыдущую или перескакивать через одно или два звена.

Если вкратце представить в указанной логике историю моста в Киеве, то последовательность стадий политизации будет выглядеть следующим образом. Первая стадия длилась с 1968 по 1976 годы (разработка проекта моста, строительство, запуск). В рамках данной статьи нет возможности подробно обсуждать перипетии и контрверзы, вызывающие

беспокойство участвующих сторон на данном этапе (Moskovskiy most... 2016). Обозначим лишь, что проект строительства действительно был инновационным, поскольку речь шла о создании первого в СССР вантового мостового перехода. В его создании в разном качестве участвовали группы инженеров и архитекторов из Киева и Москвы, речные службы Киева, Министерство транспорта Советского Союза и высокопоставленные чиновники УССР (включая Владимира Щербицкого) и др. Отметим также несколько таинственную историю с его названием, которое успело трижды смениться ещё до введения объекта в эксплуатацию. Сначала в проектах он фигурировал под названием «Пивничный», затем его хотели назвать «Мостом дружбы народов», однако за несколько дней до открытия объекта команде инженеров было сообщено «сверху», что мост получит название «Московский». Источник этого решения остался неизвестным даже для руководителя проекта, инженера Георгия Фуксы (Osipchuk 2006).

После введения моста в эксплуатацию его стали использовать в штатном режиме. Его переход из статуса «обыденного» объекта городской инфраструктуры в статус объекта публичного внимания происходил в первую очередь по причине его постоянно обсуждающейся высокой аварийности и плохой транспортной проходимости, в том числе на официальном уровне (Godik 2017). Анализ городских новостных сайтов показывает, что большая часть упоминаний Московского моста связана со случающимися там пробками и ДТП. Для снижения его аварийности государственными органами предпринимался целый ряд мер, включая религиозные обряды:

«Своеобразный подарок водителям ко Дню автомобилиста сделала столичная Госавтоинспекция. Она пригласила игумена Евстратия для освящения Московского моста» (Obozrevatel 2005).

Это свидетельствует о том, что политизация моста может осуществляться и осуществляется различными способами.

Однако окончательная политизация Пивничного моста началась с 2014-го года из-за его названия в свете вооруженной агрессии РФ. Первые свидетельства об использовании этого объекта киевской городской инфраструктуры в пространстве символического противостояния появились летом 2014 года, когда «Киевляне покрасили Московский мост в национальные цвета [...]. Проезжающие автомобилисты активно сигналили, приветствуя такую инициативу киевлян. Люди останавливались, подходили и предлагали взять 50-100 гривен в качестве вклада в расходные материалы» (Andreev 2014). Этот момент стал своеобразной точкой перехода в ситуацию «политического-3», когда функционирующий в рутинном режиме объект стал привлекать внимание общественности в связи с неактуальным ранее поводом — его названием. В 2016 году данная ситуация была также принята во внимание комиссией по переименованию при КГГА, которая огласила намерение присвоить мосту имя его создателя Георгия Фуксы. Общим контекстом общественного внимания к этому вопросу стала вооруженная агрессия РФ. После инициированного УИМП переименования Московского проспекта в проспект Степана Бандеры на сайте КГГА стали появляться электронные петиции, призывающие изменить название Московского моста. Среди оглашённых предложений, помимо предложенного самой администрацией варианта, были озвучены и другие возможные названия. Среди них были представлены нейтральные географические (Пивничный, Черниговский, Деснянский, Троещинский), нейтральные политические (мост Соборности), радикальные (мост Степана Бандеры) и даже шуточные (мост Тома и Джерри).

Переход политизации в четвертую стадию, если следовать логике Латура, возможен лишь в случае развитых институтов гражданского общества и понятных механизмов его

воздействия на принятие управленческих решений, когда лидеры общественного мнения перенимают повестку у чиновников и политиков, вступая с ними в полемику и перераспределяя места формирования политической повестки. В целом, проходящая в Украине кампания по декоммунизации (и деколонизации) общественного пространства нередко подвергается критике именно ввиду отсутствия развёрнутых общественных обсуждений данной проблематики, когда списки новых топонимов утверждаются без консультации с жителями соответствующих улиц, районов и населённых пунктов. Однако в случае бывшего Московского моста можно вспомнить публичную дискуссию с тематическим названием «Московский мост — враг Украины?» (Molyar et al. 2016), которая состоялась 2 августа 2016 года в Украинском кризисном медиа-центре. Во время этого разговора ряд экспертов представили несколько альтернативных стратегий принятия решений насчёт переименования моста и других городских объектов. Сложно говорить о том, насколько значительным было это событие для формирования решения городских властей, поскольку оглашённые намерения по его переименованию в мост им. Фуксы не увенчались успехом (Gricenko & Kasjanova 2016), но в 2018 году мост получил нынешнее достаточно нейтральное название «Пивничный», т.е. Северный.

Аналогичная ситуация случилась с Московским проспектом и Московской площадью, в отношении которых, однако, были применены разные топонимические стратегии. Если проспект был выведен на новый виток политизации за счёт присвоения ему имени Степана Бандеры, то площадь была изъята из контекста широких исторических и политических дискуссий за счёт её переименования в Демеевскую. (См. также комментарий общественному радио тогдашнего главы УИМП В. Вятровича (Vyatrovich 2016)).

Можно сказать, что повседневное функционирование Пивничного моста с момента его появления, осуществлялось в режиме «политического-5». Стоит остановиться на нём подробнее. Его Латур связывает с разработанной Мишелем Фуко идеей «правительности» и трактует её так: «институты, которые с виду кажутся совершенно аполитичными в своей бесшумности, обыденности, рутинизированности, превратным образом представляют важнейший аспект того, что мы называем совместной жизнью, хотя из-за них никто не скандалит, и они вряд ли выведут конгрессменов из парламентской спячки» (Latour 2012: 250). Так топоним «Московский(-ая)» мост/проспект/площадь/улица длительное время репрезентировал политический центр Советского Союза на территории Киева, что в условиях политического господства Москвы не могло не вызывать соответствующих политических импликаций по поводу субординации между метрополией и подчиненной ей столицей «одной из советских республик». Этот топоним по своему символическому статусу явно не был эквивалентом Киевского вокзала или Киевской улицы в Москве, поскольку символически воспроизводил асимметрию между политическим центром и периферией в СССР. Тем не менее, такой способ «негласного» присутствия политики в жизни пользователей Московского моста длительное время не становился проблемой.

Проблема стала актуальной после начала вооруженной агрессии РФ против Украины, когда слово «московский» стало в официальном политическом дискурсе Украины (а также в значительной части гражданского общества) семантическим эквивалентом слова «вражеский». Идея переименования моста в рамках более общих процессов изменения топонимики во многих городах и сёлах Украины стала одной из заметных тем в общественных дискуссиях. Единственным возможным условием перевода данного объекта в условно «аполитичный» статус (5 стадия политизации) стало присвоение ему «нейтрального»

названия. Присвоение не-человеческому объекту не-человеческого имени может стать средством снижения общественного внимания, что и случилось с некогда Московским мостом, который в результате решения Киевского горсовета от 22 февраля 2018 года стал Пивничным мостом. В целом же данный кейс интересен именно как пример того, что материальные объекты, составляющие важную часть городской инфраструктуры, могут неожиданным образом становиться источником общественного беспокойства и объектом широкого публичного внимания.

Московский проспект Степана Бандеры: противостояние петиций

Размещать на сайте городской администрации петиции киевляне получили возможность с осени 2015 года, то есть уже после старта процесса декоммунизации. Среди всех 5,7 тыс. петиций, размещенных на сайте КГГА, около 300 посвящены процессу переименований. Это достаточно много, учитывая, что среди направлений, по которым создаются петиции, значатся такие насущные, как градостроение, жилищно-коммунальная сфера, социальная защита, транспорт и другие. Очевидно, что данная тема не может лишь своей содержательной актуальностью опередить значение для населения таких насущных проблем. Также вряд ли можно считать, что такое число петиций, посвященных переименованиям обусловлено системным смещением в типе коммуникаций, мол, потому что их создают люди, пользующиеся интернетом, а не те, кто звонят или пишут письма в городскую администрацию. Ведь такая животрепещущая для активной общественности, высокообразованных групп тема, как градостроение (незаконная застройка, охрана памятников, планирование территорий и т.д.) насчитывает почти такое же количество петиций.

В целом петиции имеют неплохую успешность: собрали необходимые 10 тысяч подписей 5%, они были переданы на рассмотрение, некоторые отклонены, а некоторые уже реализованы. Те, которым не удалось достичь этого показателя, собирали по несколько сотен, реже — тысяч подписей. В то же время большинство петиций в рубрике переименования улиц набирали не больше сотни подписей. А единственная петиция, набравшая необходимые 10 тыс. подписей против переименования Московского проспекта, была отклонена после проверки и выявления создания около 30 % подписей техническими средствами³.

Именно в рубрике переименований появляются, так называемые, квазипетиции, стремящиеся не столько повлиять на процесс переименований, сколько осмеять его. Например, одна такая предлагала переименовать Московский проспект в проспект «Пушистых Котиков», за несколько дней активного подписания она набрала 400 подписей и на том была забыта.

Как видим, в процессе декоммунизации петиции не сработали как полноценный инструмент прямой демократии. Тем не менее, по словам Ярослава Шибанова (Molyar et al. 2016), невзирая на количество голосов поддержки, каждую петицию в КГГА рассматривают, воспринимая их как указание на проблему, возможную подсказку интересного решения, хоть и не обязаны этого делать. Петиции, как и процедура публичного обсуждения путем голосования на сайте КГГА, создали свое поле демонстрации сил разных точек зрения, их

³ В ответе, подписанном Киевским городским главой, указано в частности: на основании этой проверки можно утверждать, что в целом было накручено около 2937 голосов, что составляет 27,4% общего количества подписей, это существенно повлияло на достижение петицией необходимого количества голосов (https://petition.kievcity.gov.ua/docs/_9198254.pdf).

конкуренции между собой. Что не могло не привлечь к себе внимание и стало предметом обсуждения в публичном пространстве.

«Среди петиций с предложениями по переименованию улиц на сайте КГГА можно выделить такие группы как реакция на события, смерть известного человека, запрос от власти, юмор, и запрос от людей, которые хотят «свою» улицу (в честь родственника), рассказал Лев Шевченко, исследователь архитектуры, журналист. Он отметил также, что петиции сейчас не являются репрезентативным инструментом: далеко не все люди знают о голосовании, значительная часть заинтересованных не умеют воспользоваться электронным голосованием. Кроме того, уже фиксировали попытки сознательно злоупотреблять этим инструментом. «Если на сайте КГГА в один и тот же день появляются 2 петиции от разных людей с разными названиями, но идентичным мотивационным текстом — я это понимаю, как чью-то игру», — рассказала Владислава Осьмак. «В последнее время мы увидели попытки вмешиваться в ход голосования. Сейчас мы привлекаем техническую службу к тому, чтобы предупредить такие манипуляции», — подтвердил Ярослав Шибанов» (Molyar et al. 2016).

В противостоянии петиций мы выделили как основные две позиции, борющиеся «за» или «против» декоммунизации в её идеологическом измерении, и третью — позицию нейтрализации. В последней, в свою очередь, есть две группы. Первая группа самая многочисленная, она объединяет петиции с предложениями конкретных «нейтральных», человеческих, но чаще не-человеческих названий. А другая группа — те, где предлагаются сами правила «нейтрализации» для всей декоммунизации. Случаются и так называемые саркастические, но их текст значительно ближе к противникам декоммунизации, немного ближе к ним и аргументы петиций под условным названием «какая разница».

Из трех сотен петиций о переименовании каждая шестая посвящена Московскому проспекту, что, в свою очередь, непропорционально много среди всей рубрики переименований. Вокруг этой далеко не центральной магистрали разгорелась самая жаркая дискуссия, сосредоточился и почти весь горячий дискурс, тем более что проспект Степана Бандеры (бывший Московский проспект) ведет к Московскому мосту, и их названия нередко рассматривают вместе. Но интересно, что баталии развернулись не столько по поводу старого названия, сколько по поводу нового. Фигура лидера национально-освободительного движения времен Второй мировой войны стала критериальной для определения принадлежности либо непринадлежности позиций к героико-патриотической в дискурсе декоммунизации.

Мы же уделим внимание и старому названию. Старость его очень относительна, ведь оно возникло лишь в 2003 году, придя на смену урбанониму проспект Красных Казаков во времена стратегического партнёрства РФ с Украиной при президентстве Леонида Кучмы и премьерстве Виктора Януковича. В констатирующей части Решения горсовета, переименовывающем проспект Красных Казаков в Московский, упоминается письмо главы Оболонской районной в городе Киеве государственной администрации (Kyjivs'ka... 2003), а вот в Постановлении горадминистрации уже дается примечание, что переименование совершается «в честь дружеских связей между городами-побратимами Киевом и Москвой» (Kyjivs'ka... 2004), так что мотивационная база указывает на геополитику.

Это решение горсовета интересно ещё тем, что в нём одновременно переименовывается проспект Красных Казаков в Московский проспект и улица Радгоспа

(Совхозная) в честь украинского поэта, диссидента Василя Стуса (Kyjivs'ka... 2003). Что выглядит весьма противоречиво, поскольку в текстах Василя Стуса и текстах почитания его памяти топоним Москва употребляется с ярко выраженными негативными коннотациями, как антипод; Москва здесь репрезентировала весь советский тоталитарный режим, была его квинтэссенцией и главным актором:

«Памяти Миколы Зерова»

Москва, гора Медвежья, Кемь

и в море Соловки —

от слёз разбухший в мерзлоте

путь горя и тоски.

[...]

Москва — Чибью, Москва — Чибью,

печорский концентрак

тут строит новую страну

на крови и костях. (Перевод с украинского В. Кишинёвского)

Московский проспект, получивший в 2003 году своё, теперь уже старое название, был последним урбанонимом из ряда «московских», регулярно появляющихся на карте Киева по мере его такой колонизации. Первым ещё во времена Российской империи в XVIII веке появилась в Киеве улица Московская, находящаяся в то время на московском направлении, затем уже в СССР в южной части города в центре Московского района (1957–2001 гг.) появляется площадь Московская (1969 г.) и ещё через десятилетие в противоположной части – Московский мост (1976 г.).

Общественное обсуждение (голосование на сайте КГГА) проекта о переименовании Московского проспекта в проспект Степана Бандеры длилось с 28.03.2016 по 28.05.2016 года. В результате «за» было набрано 3146, «против» 2548 и оставлено 226 комментариев. Это было самое многочисленное голосование. Комментарии были нескольких типов: против переименований, против конкретного варианта переименования, альтернативные более нейтральные предложения, и, наконец, — существенно меньше — в поддержку данного варианта переименования. Эти же типы позиций встречаются и среди петиций. А 7 июля 2016 года Киевский городской совет проголосовал за переименование Московского проспекта в проспект Степана Бандеры.

Петиции относительно Московского проспекта начали появляться с конца 2015 года ещё до начала самого процесса голосования на сайте и продолжают множиться до сегодняшнего дня. Почти все они предлагали альтернативные названия двух типов: так или иначе связанные с местностью (Троещенский, Вербный, Киевский, Троицкий, Пивничный, Деснянский) или же с выдающимися личностями (Героев защиты Донецкого аэропорта, Ивана Выговского, Богдана Ступки). Ближе ко времени размещения проекта постановления о переименовании для голосования появляются петиции саркастического толка (напр., проспект Леди Гаги) и просто против названия в честь Степана Бандеры. Во время голосования поток петиций не уменьшился, а по окончании голосования и после позитивного решения городских властей активизировались протестные петиции, впрочем, не набравшие более полутысячи подписей. Аргументация противников переименования строилась как на утверждении ненужности переименований вообще, критике фигуры Степана Бандеры, чаще с

использованием советских штампов, так и на отстаивании нейтральности прежнего названия. С. Бандера в этих текстах не признается «своим», он «чужак», «не киевлянин», «по другую сторону баррикад» в их версии истории Второй мировой войны. А вот «Московский» в текстах петиций подается как «старое», «историческое», «истинное» и «нейтральное» название — скорее всего, это дань лексике дискурсивной «краеведческой» позиции, и означает большую ценность всего, что было прежде, до изменений.

Напротив, героико-патриотическая позиция в немногих петициях и комментариях за данное переименование проводит «внутреннюю колонизацию» (в терминологии Александра Эткинда (Etkind 2011)). Их ценность и цель завершить модернистский проект построения нации, в т. ч. путем унификации, а может и тоталитаризации.

Такая динамика становится ещё одним доказательством избрания электронных петиций в качестве дискуссионной площадки для борьбы сторонников и противников декоммунизации и её конкретных стратегий, а не выражения простой заинтересованности граждан.

Как мы увидели, в описанных случаях переименований городских объектов представлены обе дискурсивные позиции: краеведческая («имперская старина») и героико-патриотическая («националистическая»). Обе имеют своих представителей в органах, принимающих участие в процессе переименования (комиссия по вопросам наименований при КГА, депутатский корпус городского совета, УИИП), имеют мобилизованную общественность, имеют возможность донести свою позицию через медиа.

Вместе с тем в нормативных актах преимущество ни одной из них не прослеживается: например, символы и наследие Российской империи не подпадают под декоммунизацию, а память борцов за независимость хотя и должна почитаться, но не обязательно в урбанонимии. Тем не менее, в процессе декоммунизации обе указанные позиции во многом противостоят друг другу, причем первая, опекая советское прошлое, чаще оппонирует декоммунизации в целом.

Дискурсивная позиция деколонизации с её деконструкцией оснований первых двух и нейтральных стратегий, изучением политичности вещей представлена пока что лишь в исследовательском поле, в том числе и в данной статье.

Таким образом, урбанонимия столицы Украины может рассматриваться в фокусе дискурса в широком и в узком понимании. В первом случае отмечаем постепенный (послевоенная УССР и первые десятилетия независимости) и взрывной (процесс декоммунизации после Революции Достоинства) процессы – по аналогии с процессами развития культуры у Юрия Лотмана (Lotman 1992: 18–24) — задействия урбанонимии в социальном пространстве и конвертации символического в политический капитал. В первом случае происходит наименование по мере появления новых объектов и время от времени возникает необходимость переименований, полностью контролирующихся городскими властями, позиция жителей при этом, как правило, пассивная и подчиненная. Любопытно, что в ходе постепенных переименований в первые годы независимости было декоммунизировано немало городских объектов, но они не вызывали таких жарких и масштабных дискуссий, как это видим в 2015–2016 годах. Взрывные процессы переименований и наименований в ходе декоммунизации, наоборот, активно задействовали государственные институты, политикум, экспертное сообщество, общественные организации, различные группы населения. В разных публичных пространствах — общественные

слушания, публичные лекции и дискуссии, сайты для петиций и голосований, медиа — разворачивается дискурс в узком понимании, формируются и проявляются рассмотренные в статье дискурсивные позиции.

Бібліографія:

- Abramowicz, Zofia & Dacewicz, Leonarda. (2010). Changes in urbanonymy of northeastern Poland in the context of statehood transformation. *Acta onomastica* 51(2): 417–429.
- Ainiala, Terhi & Jani, Vuolteenaho, editors. (2009). *Urban place names. International symposium. 13–16 August 2009. Helsinki. Abstracts*. Helsinki: Research institute for the languages of Finland, https://www.kotus.fi/files/1197/UrbanPlaceNames_Abstracts.pdf (accessed 19 Dec, 2019).
- Aks'onova, Valentyna. (2010). Vulycju Mazepy u Kyievi perejmenuvaly z porushennjamy – holova komisiji Kyjiv rady. *Radio Svoboda* [from Ukr.: Radio Free Europe/Radio Liberty], <https://www.radiosvoboda.org/a/2094844.html> (accessed 9 Jul, 2017).
- Andreev, Yuriy. (2014). Fotofakt: kievlyane raskrasili Moskovskiy most v cveta nacionalnogo flaga. *VGORODE.UA* [from Rus.: In the city], <http://kiev.vgorode.ua/news/sobytyia/226352-fotofakt-kievlyane-raskrasily-moskovskiy-most-v-tsveta-natsyonalnoho-flaha> (accessed 20 Dec, 2019).
- Azaryahu, Maoz. (1997). German reunification and the politics of street names: the case of East Berlin. *Political Geography* 6(16): 479–493.
- Bachyns'ka, Halyna & Tyshkovec', Marija. (2014). Urbanonimna systema mista Ternopolja. *Naukovi zapysky Ternopil's'koho nacional'noho pedahohichnoho universytetu. Serija: Movoznavstvo* [from Ukr.: Scientific notes of Ternopil National Pedagogical University. Series: Philology] 2(24): 15–18.
- Belei, Oleg. (2014). Innovacionnye processy v ukrainskoi urbononimii na fone posttotalitarnoi central'no-vostochnoi Evropy. *Anuari de Filologia. Llengües i Literatures Modernes* [from Cat.: Yearbook of philology. Languages and modern literatures] 4: 91–109.
- Berg, D. Lawrence & Jani, Vuolteenaho, editors. (2009). *Critical Toponymies: The Contested Politics of Place Naming*. Aldershot: Ashgate Publishing, Ltd.
- Bilins'ka, Ljubov. (2014). Zmina politychnoho ustroju ta perejmenuvannja vulyc': dosvid Nimechchyny. *Mova i kul'tura* [from Ukr.: Language and culture] 17: 128–133.
- Borysenko, Myroslav. (2001). Toponimika Ukrajinny 1920–1930-kh rokiv (istorychnyj analiz). *Etnichna istorija narodiv levropy* [from Ukr.: Ethnic history of European nations] 8: 21–25.
- Borysova, Tetjana. (2013). Specyfika londons'koji urbanonimiji. *Naukovi zapysky Nacional'noho universytetu "Ostroz'ka akademija". Ser.: Filolohichna* [from Ukr.: Scientific notes of National University of Ostroh Academy. Series: Philology] 39:7–9.
- Bourdieu, Pierre. (1993). *Sociologija politiki* [from Rus.: Sociology of politics]: Per. s fr. Sost., obshh. red. i predisl. N. Shmatko. Moscow: Socio-Logos.
- David, Jaroslav. (2013). Street names – between ideology and cultural heritage. *Acta onomastica* LIV 1: 53–60.
- Dijk, Teun van. (1998). *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage.
- Dijk, Teun van. [2008] (2015). *Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikacii* [from Rus.: Discourse and power]. Per. s angl. Moscow: URSS.
- Dekhtjar'ova, L. (2010). Istorija mista Kyieva z najdavnishykh chasiv do 2000 roku: Nauk.-dopom. bibliohr. pokazhch. u vydannjakh KhVII st. – 2000 r.: T. II, Kn. 8 [from Ukr.: History of Kiev from ancient times

- to 2000 year: Scientific-auxiliary bibliographical index of the editions since XVII century to 2000 year: Vol. II, book 8]. Kyiv: Instytut istoriji AN Ukrainy.
- Domarans'kyj, Andrij. (2011). Perspektyvy zminy nazv administratyvnykh odync' kirovohrads'koji oblasti: problemy "ekspertnoho seredovyssha". *Naukovi zapysky Ternopil's'koho nacional'noho pedahohichnoho universytetu imeni Volodymyra Hnatjuka. Serija: Heohrafija* [from Ukr.: Scientific notes of Ternopil Volodymyr Hnatjuk National Pedagogical University. Series: Geography]. 2: 66–73.
- Eriksen, Thomas. (2012). Place names in multicultural societies. *Names and Identities, Oslo Studies in Language* 4(2): 71–80.
- Etkind, Alexander. (2011). *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Foucault, Michel. ([1969] 1996). *Arkheologija znanija* [from Rus.: The archaeology of knowledge]: Per. s fr. Obshh. red. Br. Levchenko. Kyiv: Nika-Tsentr.
- Gnatiuk, Oleksiy. (2018). The renaming of streets in post-revolutionary Ukraine: regional strategies to construct a new national identity. *AUC Geographica* 53(2):119–136.
- Godik, Edgar. (2017). Stalo izvestno, kakim mostam v Kieve grozit obrushenie. *RBK – Ukraina* [from Rus.: Ukraine], <https://styler.rbc.ua/rus/zhizn/stalo-izvestno-kakim-mostam-kieve-grozit-1488314211.html> (accessed 19 Dec 2019).
- Gricenko, Nataliya & Kasyanova, Irina. (2016). Pereimenovaniya v Kieve: chto zhdet Moskovskiy most. *Vesti*. [from Rus.: News], <http://vesti-ukr.com/kyiv/156154-chto-zhdet-moskovskij-most-v-kieve-posle-pojavleniya-prospekta-bandery> (accessed 19 Dec 2019).
- Halaj, Oksana. (2009). *Ukrajins'ka urbanonimija zakarpattja v XX – XXI st.* [from Ukr.: Ukrainian urbanonymy of Transcarpathion region of XX–XXI century]. Avtoreferat dysertaciji na zdobuttja nauk. stupenja kand. filol. nauk: spec. 10.02.01 «Ukrajins'ka mova». Uzhhorod: Uzhhorods'kyj nacional'nyj universytet.
- Harvalík, Milan. (2011). Lingual and extra-lingual aspects of development of street names in the Czech Republic. In *Directions in Urban Place Name Research*, Ainiala, Terhi and Vuolteenaho, Jani (eds). Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 10–15.
- Hnatjuk, Oleksij. (2013). Urbanonimy mist Ukrainy jak marker terytorial'noji identychnosti naselennja. *Chasopys social'no-ekonomichnoji heohrafiji* [from Ukr.: Human Geography Journal] 15: 144–147.
- Hrichchina, Alina. (2017). Urbanonimika jak haluz' suchasnykh toponimichnykh doslidzhen'. *Linhvistychni doslidzhennja: Zbirnyk naukovykh prac' Kharkivs'koho nacional'noho pedahohichnoho universytetu imeni H.S. Skovorody* [from Ukr.: Linguistic studies: Collection of scientific works of H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University] 45: 3–8.
- Hrycak, Yaroslav. (2007). Konstruivannja nacional'noho mista: vypadok L'vova. *Dukh i Litera* [from Ukr.: Spirit and letter] 17–18: 157–181.
- Hrych, Ihor. (2013). Suchasna kyjivs'ka toponimika jak vyjav istorychnoji svidomosti. *Nacional'na ta istorychna pamjat'* [from Ukr.: National and historical memory] 8: 133–141.
- IGU/ICA Commission on Toponymy and the Unit for Language Facilitation and Empowerment, UFS, organised by. (2015). *International symposium on place names: "Place names, diversity and heritage"*, <https://www.ufs.ac.za/docs/librariesprovider51/2017-international-symposium-on-place-names/ispn-2015-programme.pdf?sfvrsn=2> (accessed 19 Dec. 2019).
- Karoyeva, Tatjana. (2017). Z dosvidu robochoi hrupy shhodo "dekomunizacii" public'noho miskoho prostoru Vinnyci: pohljad istoryka. *City History, Culture, Society* 1(2): 196–206.
- Khoroshkovatyj, Oleksij. (2004). Toponimika mista Kharkova (istorija perejmenuvan'). *Dopovid'. Kraieznavchi chytannja v Kharkivs'kij derzhavnij naukovej biblioteci im. V. H. Korolenka* [from Ukr.: Local history

- reading at the Kharkiv State Scientific Library of Vladimir Korolenko], 31 sep. 2004., <http://korolenko.kharkov.com/kray/Horoshkovatyj.htm> (accessed 19 Dec, 2019).
- Kievskiy gubernator. (1869). Chast' offycjal'naja [O naymenovanii nekotorykh ulits i ploshhadej v Kieve]. *Kievljany* [from Rus.: Kievan] 95, 14 avhusta, 15 bereznja 2013, <http://81412.livejournal.com/8915.html> (accessed 19 Dec, 2019).
- Krško, Jaromír. (1996). Urbanonyma na sklonku druheho tisícročia (na vzorke gemerskich miest). *Urbanonyma v kontexte historie a súčasnosti : Mater. z onomast. kolokvia (Banska Bystrica 3–5 septembra 1996)*. [from Slov.: Urbanonyma in the context of history and the present: Mater. from the onomastic colloquium (Banska Bystrica 3-5 September 1996)]. Bratislava; Banska Bystrica: 115–127.
- Krško, Jaromír. (2013). Linguistic and cultural dimensions of Slovak onomastics in slavistics research. *Human affairs* 23: 289–294.
- Kudrejko, Iryna. (2015). Urbanonimy Zaporizhzhja, Odesy, Ternopolja, Khmel'nyc'koho: lynchvokul'turolohichnyj aspekt. S. 192–199 v *Rekviem filologicheskii. Pamjati E. S. Otina. Kn. 1. Sbornik nauchnykh trudov / Gumanitarnyj centr "Azbuca"* [from Rus.: Requiem philology. In memory Of E. S. Otina. Book 1. Collection of scientific works/ Foundation of Humanitarian Researches and Initiatives «Azbuca»]. Kyiv: Izdatel'skij dom Dmitrija Burago.
- Kudryc'kyj, Anatolij. red. (1995). *Vulyci Kyieva. Dovidnyk* [from Ukr.: Streets of Kiev. Directory]. Kyiv: «Ukrajins'ka encyklopedija» imeni M. Bazhana.
- Kutik, Maksim. (2011). Yandeks pokazal voditelyam samyie avariynnye mesta Kieva. *AIN.UA*, <https://ain.ua/2011/11/03/yandeks-pokazal-voditelyam-samyie-avarijnye-mesta-kieva> (accessed 19 Dec, 2019).
- Kyjivs'ka mis'ka derzhavna administracija. (2004). Rozporjadzhennja Kyjivs'koho mis'koho derzhavnoho administraciji vid 12 serpnja 2004 roku # 1505 «Pro najmenuvannja ta perejmenuvannja vulyc' i ploshh v m. Kyievi. *Derzhavnyj arkhiv mista Kyieva* [from Ukr.: State archive of Kyiv], f. 1689, op. 1, spr. 2215, ark. 120–122, 12 Dec 2012, <http://81412.livejournal.com/10912.html> (accessed 19 Dec, 2019).
- Kyjivs'ka mis'ka Rada deputativ trudjashhykh. (1953). Rishennja vykonavchoho komitetu Kyjivs'koho mis'koho Rady deputativ trudjashhykh vid 29 hrudnja 1953 roku # 2610 «Pro najmenuvannja mis'kykh vulyc'». *Derzhavnyj arkhiv m. Kyieva* [from Ukr.: State archive of Kyiv], f. R-1, op. 4, spr. 674, ark. 104–113, 2 April 2013, <http://81412.livejournal.com/13253.html> (accessed 19 Dec, 2019).
- Kyjivs'ka mis'ka Rada deputativ trudjashhykh. (1955). Rishennja vykonavchoho komitetu Kyjivs'koho mis'koho Rady deputativ trudjashhykh vid 5 lypnja 1955 roku # 857 «Pro perejmenuvannja vulyc' m. Kyieva», ch. 1, ch. 2. *Derzhavnyj arkhiv m. Kyieva* [from Ukr.: State archive of Kyiv], f. R-1, op. 4, spr. 796, ark. 123–149, 2 April 2013, <http://81412.livejournal.com/13593.html> (accessed 19 Dec, 2019).
- Kyjivs'ka mis'ka Rada deputativ trudjashhykh. (1977a). Rishennja vykonavchoho komitetu Kyjivs'koho mis'koho Rady deputativ trudjashhykh vid 21 bereznja 1977 roku # 410 «Pro vporjadkuvannja najmenuvan' ta perejmenuvan' vulyc' i ploshh m. Kyieva». *Derzhavnyj arkhiv m. Kyieva* [from Ukr.: State archive of Kyiv], f. R-1, op. 8, spr. 1712, ark. 107–117, 26 July 2013, <http://81412.livejournal.com/3241.html#r410> (accessed 19 Dec, 2019).
- Kyjivs'ka mis'ka Rada deputativ trudjashhykh. (1977b). Rishennja vykonavchoho komitetu Kyjivs'koho mis'koho Rady deputativ trudjashhykh vid 6 chervnja 1977 roku # 824 «Pro perejmenuvannja Holosiievs'koho shljaku na vul. Henerala Rodimceva». *Derzhavnyj arkhiv m. Kyieva* [from Ukr.: State archive of Kyiv], f. R-1, op. 8, spr. 1724, ark. 275, 26 July 2013, <http://81412.livejournal.com/3241.html#r410> (accessed 19 Dec, 2019).
- Kyjivs'ka mis'ka Rada deputativ trudjashhykh. (1977c). Rishennja vykonavchoho komitetu Kyjivs'koho mis'koho Rady deputativ trudjashhykh vid 19 veresnja 1977 roku # 1396 «Pro najmenuvannja ploshh m.

- Kyieva». *Derzhavnyj arkhiv m. Kyieva* [from Ukr.: State archive of Kyiv], f. R-1, op. 8, spr. 1739, ark. 246, 26 July 2013, <http://81412.livejournal.com/3241.html#r410> (accessed 19 Dec, 2019).
- Kyjivs'ka mis'ka rada. (2003). Rishennja Kyjivs'koji mis'koji rady vid 27 bereznja 2003 roku # 351/511 «Pro perejmenuvannja vulyci Radhospnoji u Svjatoshyns'komu rajoni na vulycju Vasylja Stusa ta prospektu Chervonykh Kozakiv u Obolons'komu rajoni na Moskovs'kyj prospekt». *Khreshhatyk*. <http://www.kreschatic.kiev.ua/doc/11143.html> (accessed 19 Dec, 2019).
- Kyjivs'kyj mis'kyj komitet Kompartiji Ukrainy i Kyjivs'ka mis'ka Rada deputativ trudjashhykh. (1957). Postanova bjuro Kyjivs'koho mis'koho komitetu Kompartiji Ukrainy i vykonavchoho komitetu Kyjivs'koji mis'koji Rady deputativ trudjashhykh vid 10 hrudnja 1957 roku # 2193 «Pro vporjadkuvannja spravy prysvoiennja imen derzhavnykh i hromads'kykh dijachiv vulycjam i derzhavnym ustanovam m. Kyieva». *Derzhavnyj arkhiv m. Kyieva* [from Ukr.: State archive of Kyiv], f. R-1, op. 4, spr. 926, ark. 577–578, 15 kvitnja 2013, <https://81412.livejournal.com/13929.html#r2193> (accessed 19 Dec, 2019).
- Latour, Bruno. (2005). *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford University Press.
- Latour, Bruno. (2012). Kopernikovskii perevorot v politicheskoi teorii. *Sociologija vlasti* [from Rus.: Sociology of power] (6–7): 235–255.
- Ljashenko, Roman. (2005). Urbanonimy mista Kirovohrada za chasiv Nezalezhnosti Ukrainy ta jikh motyvacijsna baza. *Naukovi zapysky serija filolohichni nauky (movoznavstvo)* [from Ukr.: Scientific notes. Series: Philology (linguistics)] 59: 310–315.
- Lotman, Yurii. (1992). *Kul'tura i vzryv* [from Rus.: Culture and explosion]. Moscow: Gnozis, Izd. Gruppya «Progress».
- Mahryc'ka, Iryna. (2013). Urbanonimika Luhans'ka jak zasib formuvannja kul'turnoji identychnosti meshkanciv mista. *Zbirnyk naukovykh prac' uchasykiv II Vseukrajins'koji naukovo-praktyčnoji konferenciji "Fakhova mova jak dynamichnyj funkcionyj riznovyd zahal'nonarodnoji ukrajins'koji movy" (m. Luhans'k, 30-31 travnja 2013 r.)* [from Ukr.: Collection of scientific works of participants of the II All-Ukrainian scientific-practical "Professional language as a dynamic functional type of the national Ukrainian language" (Lugansk, May 30-31, 2013)]. Luhans'k: Noulidzh: 74–79.
- Majorov, Maksym, Korolenko, Bohdan & Karetnikov, Ihor. (2017). Dekomunizacija nazv naselennykh punktiv ta rajoniv Ukrainy: pidstavy, proces, pidsumky. *Misto: istorija, kul'tura, suspil'stvo. E-zhurnal urbanistychnykh studij* [from Ukr.: City: history; culture; society. E-Journal of urban studies]. Instytut istoriji Ukrainy NAN Ukrainy, Istorychnyj fakul'tet Kyjivs'koho nacional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka 1(2): 134–141.
- Makhortykh, M. (2014a). Kyjivs'ki toponimy jak element istorychnoji pamjati pro zvil'nennja mista vid nimec'koji okupaciji za doby nezalezhnosti (1991–2013). *Hileja* 86: 82–87.
- Makhortykh, M. (2014b). Kyjivs'ki toponimy jak element istorychnoji pamjati pro zvil'nennja mista vid nimec'koji okupaciji za radjans'koji doby (1944–1991). *Hileja* 84: 100–105.
- Males, Lyudmyla. (2011). *Vyvchajuchy teksty kul'tury: sociokul'turnyi analiz jak piznaval'na stratehija sociolohii* [from Ukr.: Studying the texts of culture. Sociocultural analysis as a knowledge-acquisition strategy for sociology] Kyiv: KIS.
- Males, Lyudmyla. (2014a). Symvolichni zminy v prostori mista v sociokul'turnykh kontekstakh XX st. *Hrani* 9 (113): 117–122.
- Males, Lyudmyla. (2014b). Socjal'no-politychni zminy XX stolittja na karti suchasnoji stolyci. *Aktual'ni problemy sociolohiji, psykhologiji, pedahohiky* [from Ukr.: Current problems of sociology, psychology, pedagogy] 3: 21–30.
- Males, Lyudmyla. (2016). Dyskurs dekomunizaciji v Kyievi. *Sociologichni studiji* [from Ukr.: Sociological studies] 2(9): 16–21.

- Mamalyha, Anastasija & Danyl'chuk, Dmytro. (2009). Aktual'ni problemy mis'koji toponimiky i publikaciji mas-medja. *Visnyk LNU imeni Tarasa Shevchenka* [from Ukr.: Bulletin of Luhansk Taras Shevchenko National University] 46(1): 86–96.
- Meljakov, A. (2012). Toponimichna polityka orhaniv miscevoho samovrjaduvannja v Ukrajini. *Teorija ta praktyka derzhavnoho upravlinnja* [from Ukr.: Theory and practice of public administration] 2 (37): 311–319.
- Melnychuk, Anatolij & Oleksiy, Gnatiuk. (2019). Public perception of urban identity in post-Soviet city: the case of Vinnycja, Ukraine. *Hungarian Geographical Bulletin* 68(1): 37–50.
- Molyar Evgeniya, Kurinniy, Oleksiy, Shibanov, Yaroslav, Osmak, Vladislava, Shevchenko, Lev, Males, Lyudmila, Podnos, Varvara & Likov, Maks. (2016). Osnovniy viklik, pov'yazaniy iz dekomunzacieyu – poshuk kompromisu mizh prihilnikami riznih variantiv pereymenuvannya. *Ukrayinskiy krizoviy media-centr* [from Ukr.: Ukraine crisis media center], <http://uacrisis.org/ua/45746-pereymenuvannya> (accessed 19 Dec, 2019).
- Mosiienko, Oleksandr. (2014). Symvolichnyj prostir Berdycheva. *Intermarum* 1: 31–40.
- Müller, Klaus. (1994). Jména ulic ve spirále dějinných zvrátů. *Mezinárodní konference o městě. Brno – město uprostřed Evropy. 2. – 4. prosince 1993. Referáty a diskusní příspěvky* [from Czech: International conference on the city. Brno - a city in the middle of Europe. December 2-4, 1993. Papers and discussion papers], Brno, Magistrát města Brna: 180–183.
- Nakhmanovich, Vitalii. (2006). Poslednjaja zhertva Bab'ego Yara. *Komitet "Babii Yar"* [from Rus.: Committee "Babi Yar"], <http://www.kby.kiev.ua/komitet/ru/history/art00011.html> (accessed 19 Dec, 2019).
- Neher, Oksana. (2013). Pereymenuvannja jak identyfikatory specyfiky rozvytku motyvacijnoji bazy oficijnoji zakarpatoukrajins'koji urbanonimiji XX – poch. XXI st.. *Naukovi zapysky Nacional'noho universytetu "Ostroz'ka akademija" . Ser.: Filologichna* [from Ukr.: Scientific notes of National University of Ostroh Academy. Series: Philology] 38: 21–23.
- Neher, Oksana. (2014). Derzhavna ideologija jak chynnyk vplyvu na rozvytok zakarpatoukrajins'koho urbanonimikonu v kinci XX – na pochatku XXI st.. *Suchasni problemy movoznavstva ta literaturoznavstva* [from Ukr.: Modern problems of linguistics and literary studies] 19: 66–69.
- Neizvestnyiy, Avtor. (2016). Moskovskiy most – podrobnosti proektirovaniya i stroitelstva. *Moya Obolon* [from Rus.: My Obolon], <http://my-obolon.kiev.ua/stati/moskovskij-most-%E2%80%93-podrobnosti-proektirovaniya-i-stroitelstva.-chast-1-ya.html> (accessed 19 Dec, 2019).
- Nesenjuk, Irina. (2009). Ona 40 let nazyvaet kievskie ulicy. *Interesnyi Kiev* [from Rus.: Interesting Kiev], 16 July, <https://www.interesny.kiev.ua/ona-40-let-nazyvaet-kievskie-ulitsyi/> (accessed 19 Dec, 2019).
- Obozrevatel (2005) Kiev izbavljajut ot chertovyh mest. *Obozrevael. Zhizn' stolicy* [from Rus.: Reviewer. Life of the capital city], 30 October, <https://www.obozrevatel.com/kiyany/news/2005/10/31/5590.htm> (accessed 19 Dec, 2019).
- Odaloš, Pavol. (1996). Urbanonymá v procese spoločenských zmien 90. rokov. v európskych postsocialistických krajinách. V *Urbanonymá v kontexte histórie a súčasnosti. Materiály z onomastického kolokvia, Banská Bystrica 3–5 septembra 1996* [from Slov.: Urbanonyms in the context of history and the present. Materials from the onomastic colloquium, Banská Bystrica 3–5 September 1996], Odaloš, Pavol Majtán, Milan (editors). Banská Bystrica: Pedagogická fakulta Univerzity mateja Bela – Fakulta humanitných; Univerzity Mateja Bela – Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, 80–87.
- Odaloš, Pavol. (2006). Dynamika premien urbanonymie. V *Sociálny kontext onymie* [from Slov.: Social context of onymy], Krško, Jaromír (ed). Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, Fakulta humanitných, 74–121.

- Odaloš, Pavol. (2014). Výskumné smery slovenskej a českej toponomastiky. In *Microtoponymy and Macrotoponymy. Preliminary Problems*, A. Gałkowski & R. Gliwa (eds). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 145–154.
- Osipchuk, Igor. (2006). Ideyu postroit restoran nad moskovskim mostom otverg lider soveckoy Ukrainyi Vladimir Scherbickiy, zayaviv: "u nas i pod mostami pyanyih predostatochno!". *Fakty* [from Rus.: Facts], <http://fakty.ua/51354-ideyu-postroit-restoran-nad-moskovskim-mostom-otverg-lider-sovetskoj-ukrainyi-vladimir-csherbickij-zayaviv-quot-u-nas-i-pod-mostami-pyanyih-predostatochno-quot> (accessed 19 Dec, 2019).
- Podolynnyj, Anatolij. (2011). Perejmenuvannja jak skladova chastyna ideolohichnoji polityky derzhavy v mynulomu i teper. *Naukovi zapysky Vinnyc'koho derzhavnogo pedahohichnoho universytetu imeni Mykhajla Kocjubyns'koho* [from Ukr.: Scientific notes of Vinnycja State Pedagogical University] 19: 207–209.
- Ponomarenko, Lidija i Riznyk, Oleksandr. (2003). *Kyjiv. Korotkyj toponimichnyj dovidnyk* [from Ukr.: Kiev. Short toponymic guide]. Kyiv: Pavlim.
- Ponomarenko, Lidija. (1992). Tak zveliv car. *Khreshhatyk*, 13 March.
- Poznjak, Petro. (1986). Vul. Heorhija Livera. *Prapor komunizmu* [from Ukr.: The flag of communism], 7 March.
- Prezidium Kievskogo gubispolkoma. (1923). Protokol zasedanija Prezidiuma Kievskogo gubispolkoma ot 14 maja 1923 g. № 38, p. 684 "O pereimenovanii odnoi iz ulic goroda v ulicu Vorovskogo". *Derzhavnyj arkhiv Kyjivs'koho oblasti* [from Ukr.: State archives of Kyiv oblast], f. R-111, op. 1, spr. 378, ark. 67, 68ob. (ros.), 13 Juny 2015, <http://81412.livejournal.com/24690.html#r2> (accessed 19 Dec, 2019).
- Rajić, Ljubiša. (2012). Toponyms and the political and ethnic identity in Serbia. *Names and Identities, Oslo Studies in Language* 4(2): 203–222.
- Reznik, Aleksandr. (1999). Toponimicheskaja revizija 1869 goda. *Yanus-Nerukhomist'* [from Ukr.: Ianus-Realty]: 11(120), <http://81412.livejournal.com/22478.html#r1> (accessed 19 Dec, 2019).
- Riznyk, Oleksandr. (1999). Vulyci Kyieva na skhyli Imperiji. *Yanus-Nerukhomist'* [from Ukr.: Ianus-Realty] 22(131), <http://81412.livejournal.com/22478.html#r1> (accessed 19 Dec, 2019).
- Riznyk, Oleksandr. (2007). Toponimichnyj landshaft Kyieva i problemy derzhavnoji toponimichnoji polityky. *Ukrajins'ki kul'turni doslidzhennja* [from Ukr.: Ukrainian cultural studies], http://www.culturalstudies.in.ua/statti_1_2007.php (accessed 19 Dec, 2019).
- Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg. (2013). Trends in Toponymy 6. 6th Conference on Trends in Toponymy Ruprecht-Karls-Universität at Heidelberg, Germany, October 7th-10th 2013. *Universität Heidelberg. Romanisches Seminar. Forschung* [from Germ.: University of Heidelberg. Romanesque seminar. Research], http://www.uni-heidelberg.de/rose/forschung/trends_in_toponymy_6.html (accessed 19 Dec. 2019).
- Sebta, Tetjana. (2013). Toponimija Kyieva i Rivnoho u 1941–1944 rr.: tendenciji i kharakter perejmenuvan'. *Pamjatky Ukrajiny: istorija ta kul'tura* [from Ukr.: Sights of Ukraine: history and culture] 4(187): 38–51.
- Semena, Mykola. (2010). Kryms'ka toponimika: vpravy, zlovzhyvannja, pomylky... *Den'* [from Ukr.: The day], 11 Aug., <http://www.day.kiev.ua/uk/article/cuspilstvo/krimaska-toponimika-vpravi-zlovzhivannya-pomilki> (accessed 19 Dec, 2019).
- Shamara, Serhij. (2017). Davaty chy ne davaty kolyshnim "sovec'kym" vulycjam imena heroyiv, zahyblykh v ATO? *Vikka*, <http://vikka.ua/blogs/85762-davati-chi-ne-davati-kolishnim-sovetskim-vulitsyam-imena-geroiv-zagiblih-v-ato.htm> (accessed 19 Dec, 2019).
- Shestakov, V. & Govorkova, V. (1967). *Yikh imenami nazvany ulicy Kieva: spravochnyi material dlja ekskursovoda* [from Ukr.: The streets of Kiev are named after them: reference material for the guide]. Kyiv: Obshhestvo "Znanie".

- Shul'han, Ol'ha. (2013). Politychna zaanzhovanist' oykonomiji Ukrainy XX stolittja: sociolinhvystychnyj pidkhd. *Naukovyj visnyk Skhidnojevropejs'koho nacional'noho universytetu imeni Lesi Ukrainky. Filolohichni nauky. Movoznavstvo* [from Ukr.: Scientific bulletin of Lesya Ukrainka Eastern European National University. Philology. Linguistics] 1(250): 142–146.
- Sidenko, Anna & Danyl'chuk, Dmytro. (2011). V IZh vidbuvsja kruhlyj stil: "Toponimija Kyjeva: vchora, s'ohodni, zavtra". *Kyjivs'kyj nacional'nyj universytet imeni Tarasa Shevchenka. Novyny* [from Ukr.: Taras Shevchenko National University of Kyiv. News], <http://www.univ.kiev.ua/en/news/2818> (accessed 19 Dec, 2019).
- Sidenko, Anna. (2012). Toponimija u zhanrovomu rozmajitti zhurnalisc'kykh materialiv (na prykladi hazety «Vysokyj zamok»). *Styl' i tekst* [from Ukr.: Style and text] 12: 220–224.
- Šindelářová, Jaromíra. (2010). Proměny české a slovenské urbanonymie. *Lexika slovenskej onymie. Zborník materiálov zo 17. slovenskej onomastickej konferencie* [from Slov.: Lexics of Slovak onymia. Collection of materials of the 17th Slovak Onomastic Conference]. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akademie vied, 174–185.
- Skulenko, I. (1957). VuL. Livera: Yixnimy imenamy nazv. *Vechirnij Kyjiv* [from Ukr.: Evening Kiev], 14 Sep.
- Takhtaulova, Marija. (2015). Toponimika postradjans'koho Kharkova: na shljakhu do dekomunizaciji. *Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Sciences III* (11) Is.: 67: 36–39.
- Tytarenko, Anastasija. (2015). *Urbanonimija Kryvoho Rohu: struktura, semantyka, funkcionuvannja* [from Ukr.: Urbanonyms of Kriviy Rih: structure, semantics, functioning]. Avtoreferat dysertaciji kand. filol. nauk. D.: Dnipropetrovs'kyj nacional'nyj universytet imeni Olesja Honchara, http://www.dnu.dp.ua/docs/ndc/dissertations/K08.051.05/avtoreferat_5637c87bbffcb.pdf (accessed 19 Dec, 2019).
- V'yatrovich, Volodimir. (2016). Moskovskiy mist takozh pereymenyut. *Gromadske Radlo*, <https://hromadskeradio.org/programs/rankova-hvylya/moskovskyy-mist-takozh-pereymenyut-vyatrovych> (accessed 19 Dec, 2019).
- Vaculik, David. (2013). Parts of the city of Ostrava – the past and the Current State of Urbanonymy. In *Name and Naming. Onomastics in Contemporary Public Space*, Oliviu Felecan, Cluj-Napoca (ed). Editura Mega / Editura Argonaut, 403–414.
- Venhrynjuk, Lidija. (2012). Realizacija polityky pamjati: rehional'nyj vymir (na prykladi m. Ivano-Frankivs'ka). *Prykarpac'kyj visnyk NTSh. Dumka* [from Ukr.: Precarpathian bulletin of the Shevchenko Scientific Society. Idea] 3(19): 243–252.
- Verkhovna Rada Ukrainy. (2015). Zakon Ukrainy Pro zasudzhennja komunistychnoho ta nacional-socialistychnoho (nacysckoho) totalitarnykh rezhymiv v Ukraini ta zaboronu propahandy yikhnoi symvoliky *Vidomosti Verkhovnoi Rady* [from Ukr.: Verkhovna Rada news] 26: article 219.
- Vjatrovych, Volodymyr. (2017). Dekomunizacija: vazhlyvyj proces, ne lyshe rezul'tat. Intervju z Volodymyrom Vjatrovychem. *Misto: istorija, kul'tura, suspil'stvo. E-zhurnal urbanistychnykh studij*. [from Ukr.: City: history; culture; society. E-Journal of urban studies] Instytut istoriji Ukrainy NAN Ukrainy, Istorychnyj fakul'tet Kyjivs'koho nacional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka 1 (2): 101–111.
- Vovk, Dmitrij & Steklov, Aleksej. (2002). *Nekotorye kievskie tajny. Levoberezh'e* [from Ukr.: Some Kiev secrets. Left bank]. Kyiv: Izd-vo Ravenskogo.
- Young, Craig & Kaczmarek, Sylvia. (2008). The socialist past and post-socialist urban identity in Central and Eastern Europe. The case of Łódź, Poland. *European Urban and Regional Studies* 15 (1): 53–70.
- Zhuravel', Yuriy. (2015). Stvorennya reiestru urbanonimiv mist i mistechok Dnipropetrovshhyny. *Problemy bezperervnoji heohrafichnoji osvity i kartohrafiji* [from Ukr.: Problems of continuous geographical education and cartography] 22: 69–71.